

**Б.В.ДУБИН,
ВЦИОМ**

К вопросу о поколенческих и региональных параметрах социокультурных перемен

Говоря в самом предварительном и общем смысле, меня сейчас будут интересовать проблемы морфологии постсоветского общества в ее пространственно-временном выражении. Поколенческий механизм социальных сдвигов рассматри-

вался в сообщении на прошлогоднем симпозиуме¹, на этот раз подход усложнен и, как хотелось бы думать, уточнен: введены ещё и региональные аспекты социальной динамики. Пространство понимается при этом социологически — как набор ролевых, институциональных и других возможностей действия, а время — как мера значимых расстояний, дистанций на шкале или в иерархии соответствующих социальных позиций и статусов². Для различных теоретических задач естественно выбирать, а выражаясь точнее — строить, разные "единицы" деления пространственных и временных шкал, использовать различные масштабы рассмотрения, оптики той или иной необходимой исследователю разрешающей силы, которые не отменяют, а дополняют друг друга.

В качестве эмпирического материала здесь взяты данные регулярно ведущегося ВЦИОМ мониторинга социально-экономических перемен в России за 1994—1995 гг. Суммарная расчетная база включала к сентябрю 1995 г. свыше 29 тыс. респондентов, представляющих население всех регионов России. Подобный объем дает возможность проследивать региональные и поколенческие различия в установках и оценках россиян как по отдельности, так и во взаимосвязи. Я буду говорить лишь о трех возрастных совокупностях опрошенных: до 25 лет ("дети"), от 40 до 50 лет ("родители") и старше 60 лет ("деды"), причем сопоставлять их ответы по пяти укрупненным регионам страны — Москва и С.-Петербург; Европейская часть России (Север и Юг); Предуралье и Урал; Сибирь и Дальний Восток. Величина каждой обследуемой социально-демографической группы при этом достаточно высока и колеблется от 1100 до 7200 учетных единиц³. Масштаб обобщения, конечно, тоже достаточно велик, но основные тенденции в поколенческих и региональных распределениях ответов проследить, как представляется, все-таки можно. Другое дело, что нижеследующие наблюдения и выводы на их основе должны быть развиты и уточнены.

В порядке первого подступа к проблеме сравнивались ответы респондентов лишь по нескольким "диагностическим" комплексам вопросов: отношение к экономическим реформам ("продолжать — прекратить"); общая оценка своей нынешней ситуации ("все не так плохо и можно жить" и т.д.); душевой доход, оценка своевременности сегодня крупных покупок, имущественная обеспеченность (наличие в личном пользовании различных предметов цивилизованного быта, технических удобств); уровень социально-экономи-

¹ Куда идет Россия?. Альтернативы общественного развития. Т. 2. М., 1095 С. 237—247. См также: Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 1. С. 12—16.

² Левада Ю.А. Статьи по социологии. М., 1993. С. 40—44.

³ Данные рассчитаны М.В.Пчелиной.

Таблица 1

Отношение респондентов к реформам и к крупным покупкам

Варианты ответов	Столица			Сибирь		
	"дети"	"родители"	"деды"	"дети"	"родители"	"деды"
<i>Реформы</i>						
продолжать	43	40	37	28	28	27
прекратить	15	18	19	31	32	33
Разность	+28	+22	+18	-3	-4	-6
<i>Время для крупных покупок.</i>						
хорошее	14	13	10	8	8	7
плохое	42	50	55	57	59	60
Разность	-28	-37	-45	-49	-51	-53

Таблица 2

Наличие или отсутствие у респондента предметов цивилизованного быта и технических удобств (в % к группам по возрасту в каждом регионе)

Варианты ответов	Столица			Север		
	"дети"	родители	деды	дети	родители	"деды"
Владеют 7 и более предметами из списка 10 благ и удобств	20	15	12	7	6	6
Не владеют ничем из списка 10 благ и удобств	5	5	9	21	21	22

ческой напряженности в месте проживания и готовность самого респондента участвовать в массовых выступлениях против роста цен, падения уровня жизни. Ограничусь для примера крайними точками соответствующих оценок по некоторым вопросам анкеты (табл. 1) (в % к группам по возрасту в каждом регионе).

Уже здесь видно, что разница оценок между респондентами разных поколений в одном регионе (т.е. между соответствующими парами) существенно ниже, чем между респондентами одного поколения в разных регионах России, точнее — в столице и в регионах, "в центре" и "на периферии" (в пределах каждой пары). Межпоколенческие колебания если вообще и заметны, то, опять-таки, лишь в столице. Эта тенденция сохраняется и в ответах на другие вопросы мониторинга (табл. 2).

В оценках социальной напряженности и готовности к выражению протеста против экономической политики правительства поколенческие вариации в пределах региона вообще отсутствуют. Здесь работает лишь региональный фактор, но работает, на первый взгляд, парадоксально. Подобные массовые выступления макси-

мально вероятны, по оценкам москвичей и петербуржцев, в их городах (чуть выше 1/3 в каждой возрастной группе здесь оценивают их как "вполне возможные", около 1/2 — как "маловероятные") и минимально вероятны на Севере (24 и 58—59% соответственно). Готовность же самому участвовать в акциях протеста у столичных жителей, напротив, минимальна (на уровне 10—12% для респондентов разных поколений), во всех других регионах практически совпадает с оценкой возможности подобных действий, а наиболее высока (около 1/3 опрошенных) среди населения Сибири и Дальнего Востока.

С известной долей условности, можно сказать, что в столице недовольство — элемент общественной атмосферы, а она во многом производна от всей работы массовых коммуникаций и, что естественно для центра социума по его функциональной роли, многократно ими уплотняется, конденсируется. Но, тем самым, тревоги и фрустрации получают выражение, обретают "язык", их неподконтрольный, полубессознательный гнетущий эффект снижается. На периферии же, где механизмы выражения, опосредования, смягчения подобных напряжений, как и развитые возможности социальной реализации, отсутствуют или слабы, подспудно нарастающее недовольство в большей мере грозит выплеснуться напрямую. Оно здесь — латентный компонент демонстративного действия, коллективной демонстрации несогласия, нелояльности. Это, кстати говоря, подтверждают результаты декабрьских выборов в Государственную Думу 1993 и 1995 гг., равно как и динамика соответствующих данных мониторинга: протест, "негативная" мобилизация, голосование от противного — характеристика социального поведения "периферии", менее активных, имущих и квалифицированных слоев общества.

Можно привести данные еще по ряду анкетных вопросов, но рисунок их распределения по оси столица—регионы остается практически тем же. Подытожим проведенное сравнение:

региональные различия между россиянами одного возраста существенно сильнее, чем поколенческие различия у респондентов одного региона;

наиболее велики эти региональные различия в молодежной группе;

фактически межпоколенческие различия (между "детьми", "отцами" и "дедами) заметны и устойчиво фиксируются лишь в одной региональной группе — у респондентов, проживающих в Москве и С-Петербурге; в остальных регионах они пренебрежимо малы и никогда не выходят за границы допустимой статистической ошибки;

региональная специфика и разница между теми или иными регионами выражены значительно слабее, чем различия между

центром, столицей (Москвой и С.-Петербургом), с одной стороны, и периферией — всеми другими регионами или любым из них — с другой.

Как можно было бы понимать изложенные и другие, имеющиеся к ним в дополнение, данные? В советских и начальных постсоветских условиях — форсированной государственной модернизации сверху, административной (военно-промышленной и топливно-энергетической, сырьедобывающей) урбанизации, централизованного контроля за распределением информации и других дефицитных благ — крайними точками пространственной дифференциации общества являются жестко противопоставленные центр и периферия — столица и провинция. Последняя (в данном сопоставлении) характеризуется, а вернее наделяется, исключительно инструментальными функциями (исполнение) и принудительным единообразием возможностей — уровней благосостояния, каналов продвижения, информационных ресурсов и т.д. Центропериферийные различия — как функционально более сильные, нагруженные, "важные" — в целом, в тенденции, перекрывают и подавляют при этом даже поселенческие (урбанизационные), возрастные, образовательные (что, понятно, нисколько не отменяет важности, а то и решающей значимости последних в других теоретических рамках, для иначе поставленных проблем, при иной исследовательской оптике).

Если использовать представление о потенциальном времени¹, Мерой которого выступает возрастная оценка собственных потенциальных возможностей (предельного доступного уровня самореализации и, вместе с тем, временной дистанции до него), то наибольшим его запасом в условиях развитого общества в новейшую эпоху обладает, понятно, молодежь. Вместе с тем в нынешней российской ситуации молодежь — одна из двух (наряду с руководителями) групп общества, которые в большей степени, чем прочие, ощутимо как для самих себя, так и для социальных "других", реализуют свой потенциал или, по крайней мере, некоторые из имеющихся значимых возможностей и в актуальном времени. Так, по уровню доходов и имущественной обеспеченности, по темпам их роста молодежь опережает поколение своих родителей, а тем более — "дедов". Соответственно, среди молодых россиян позитивное отношение к реформам наиболее устойчиво, а оценка своей нынешней ситуации наиболее позитивна.

¹ Наряду с потенциальным и актуальным, можно, как представляется, говорить о "виртуальном" времени как отдельном измерении в системе коллективных ориентаций, особой плоскости значений социального действия — скажем, о временных границах, структуре и содержании воспоминаний, ностальгии, представлений о "золотом веке" и других, например, у старших поколений.

Однако из данных, приводившихся выше, видно, что региональный фактор вносит здесь кардинальную поправку. Названные преимущества могут быть — и в достаточно короткое время, в рамках "актуальной современности", заметно для себя и наглядно для других, сверстников, родителей и т.п. — реализованы, в первую очередь, в условиях столицы (Москвы и С.-Петербурга). Причем столичной же молодежью более образованной, с более высоким, за счет родительских достижений, стартовым уровнем и более широким спектром возможностей. Поколенческие различия и преимущества более молодого возраста в регионах, в целом, крайне невелики. Как еще раз подтвердили декабрьские 1995 г., а во многом и июньские—июльские 1996 г., выборы, ставшие своего рода "бунтом провинций", противостояние центра и периферии в отношении реформ, их социальных последствий, путей выхода из кризиса и т.д. сохраняется. Или, говоря точнее, разрушаясь, оно обнажается и даже обостряется. Проявляются не только разные темпы социальной и культурной динамики на разных уровнях, для разных групп общества (откуда и чувство ухудшения у некоторых из них, даже при общих положительных переменах и конкретных позитивных сдвигах в их собственной жизни), но от уровня к уровню, от группы к группе меняется функциональный смысл, значение, оценка этой динамики.

Другими словами, реализация социальных и культурных преимуществ, которыми располагают сейчас, например, более молодые группы россиян (включая образование, мобильность, большую свободу от советских ментальных стереотипов), наталкивается на ригидную советскую структуру общества в ее социально-пространственном и социально-временном выражении. Можно сказать, что социальные и культурные преимущества, основания статуса и престижа, начала дифференциации социума как в их временном (возрастном), так и в пространственном (например, урбанизационном) аспекте накапливаются, становятся заметными и, наконец, ощутимо действующими лишь "общим весом", как бы естественным, стихийным "обвалом" и на самых крайних точках соответствующих шкал, среди самых молодых и только в столице.

Изменения есть, идут они и сейчас, и никакого "закрытого круга", "вечного повторения" я тут не вижу. Но поскольку независимые авторитетные элиты, их многообразие и взаимосвязь в обществе практически отсутствуют (а центральная власть их не заменяет и заместить не может!), то десятилетиями, как бы в естественном ритме набравшиеся импульс и потенциал перемен точно так же "стихийно" и долго распространяются и усваиваются всем громоздким социальным "телом". В "центре" тем временем переживается перехват инициативы, ощущается потеря темпа, растет чувство рутины, застоя, "остановки часов", "прекращения истории". При этом первоначальные

носители инноваций, исходный контекст, функциональная семантика и нагрузка сдвигов, не поддержанные сложной системой "шлюзов" и переходов, достаточно быстро меняются вплоть до полной неузнаваемости, так что проследить звено за звеном, связать их становится возможным лишь ретроспективно (отсюда — возобновляющаяся раз за разом, при каждом шаге, борьба новых претендентов на лидерство и господство за "подлинное прошлое"). В этом смысле, в России — как в обществе, так и в культуре — точнее, видимо, говорить не об ускоренном, а, напротив, о весьма заторможенном, постоянно блокируемом развитии, своего рода "спазмах движения". Институциональное удержание и передача динамического импульса по-прежнему остаются для социума нерешенной задачей.

Одно из ее наиболее болезненных выражений, наряду с поколенческим разрывом, — резкий перепад между центром и периферией, даже "отталкивание" их друг от друга, воспроизводство конфликта, отвержение чужих, новых форм и стандартов жизни, так называемая «трансляция ненакопления социального и культурного "капитала"»¹. Нужно, однако, уточнить движущие силы и характер этого процесса, без чего сам вопрос о регионализации теряет смысл. Отмеченной точкой в паре "центр—периферия" центр. В этом плане болевая зона нынешнего российского общества в его пространственном аспекте, видимо, все-таки не регионы, а структура и содержание "целого" — место постсоветской России в современном мире на рубеже третьего тысячелетия. Принципиальная неопределенность этих самых общих границ самоидентификации и "внешнего" соотнесения, равно как и судорожные попытки подобные смысловые рамки наскоро утвердить и даже навязать, определяли в последние пять лет и поведение властных "верхов", и, в немалой степени, массовые настроения россиян (прежде всего — старших поколений).

На разных уровнях общества этот комплекс вопросов приобрел, понятно, свой смысловой разворот. Для населения, прошедшего, как показывают данные ВЦИОМ, через период болезненного национально-государственного самоуничужения ("мы хуже всех"), все большее значение стала иметь символическая причастность к "малой родине". Для начальства "на местах", в начале пробовавшего, было, разыграть кое-где карту национального суверенитета (к примеру, в Татарстане), "московская" риторика великой державы и государственных интересов России по мере все большего одряхления и склероза центральной власти, в ходе имущественной приватизации, при укреплении локальных предпринимательских структур (из-за сырьевого характера российской экономики и по

¹ Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. Москва; Харьков, 1995. С. 186—187.

слабости общероссийского рынка накрепко завязанных на "свои" территории) стала сменяться риторикой регионализации. Здесь важно, во-первых, видеть последовательность макросоциального процесса ("сползание" проблематики идентификации из центра к периферии с соответствующими трансформациями символики, семантики, инициативных групп их носителей, трансляторов и т.д.). А во-вторых, не смешивать совпадающие до поры до времени и тесно, вплоть до мимикрии, срастающиеся на якобы одной проблеме, скажем, на "регионализации России" или, напротив, "реинтеграции СССР" — интересы и ценности самых различных институтов и групп, в которых к тому же переплетены официальные и приватные точки зрения, демонстративные и "домашние" оценки, позиции, декларируемые "по случаю", и рутинное повседневное поведение.